

Вопросы распределения

Экономическая наука не может игнорировать проблемы распределения — одно из направлений движения к созданию пространства для идей из других дисциплин.

Биньямин Эпплбаум

ФОТО: DENNO BASVIC

МЫ ЖИВЕМ В ЭПОХУ материального изобилия и социальных потрясений. Четверть тысячелетия промышленной революции привела к поразительному росту благосостояния: при численности населения почти 8 млрд человек имеется достаточно богатства, чтобы каждый мог жить беспрецедентно комфортной жизнью.

Проблема, разумеется, заключается в распределении.

Усиление экономического неравенства в развитых странах мира оказывает давление на рост и создает напряженность в структуре либеральной демократии. И экономисты, оказывающие значительное влияние на формирование государственной политики, должны играть важную роль в анализе неравенства распределения, изучении его последствий и определении средств защиты. За последние полвека накоплена масса данных. А в последнее десятилетие наблю-

дался явный всплеск интереса и активности, особенно среди молодых экономистов.

Подобно тому, как экономисты научились включать рост знаний в свое понимание мира, подобно тому, как они (по большей части) признали необходимость бороться с несовершенством финансовых рынков, теперь они всерьез пытаются разобраться в сложностях распределительных вопросов.

Тем не менее, мне, внимательно следящему за экономической наукой, — пусть как сторонний наблюдатель, смотрящий в окно, — кажется, что интерес к этим вопросам все еще ограничен рядом факторов. Многие экономи-

Давно устоявшееся в экономической теории безразличие к распределению благосостояния особенно дорого обошлось меньшинствам.

сты постоянно сомневаются в важности проблем распределения. Многие не хотят заниматься тем, что они считают нормативными вопросами. И с этими сомнениями и опасениями переплетаются игнорирование экономической наукой других форм знания и ее недостаточное разнообразие.

Давно устоявшееся в этой области безразличие к распределению благосостояния особенно дорого обошлось меньшинствам, и нетрудно предположить, что дисциплины, отличающиеся большим разнообразием, могут прийти к другим выводам. Безусловно, это предположение задевает некоторых экономистов. Милтон Фридман, как известно, настаивал на том, что политические взгляды хороших экономистов не могут быть различимы в их научной работе. Ему не хватало самосознания, чтобы понимать, что его интересы, методы и выводы были основаны на его жизненном опыте — и в этом отношении Фридман был таким же, как все.

В некоторых случаях большее разнообразие может внести большую ясность. В других случаях большее разнообразие

может привести к большей путанице, поскольку новые мнения бросают вызов старым убеждениям. Но это тоже своего рода ясность: нам будет показано, чего мы не знаем.

Справедливость и эффективность

Неравенство — это экономическая проблема. Его важность подчеркивается в растущем числе исследований. Распределение богатства и доходов оказывает существенное влияние на распределение возможностей, на механизмы экономического цикла и на темпы инноваций. Неравенство также искажает государственную политику, усиливая влияние элит, получающих ренту, и тех, кто нуждается в помощи, при этом одновременно ослабляя чувство общей цели, необходимое для государственных инвестиций в образование, инфраструктуру и научные исследования.

На протяжении десятилетий экономисты магистрального направления утверждали, что усилия по устранению неравенства с помощью политики перераспределения будут причинять ущерб росту — то, что Артур Окун назвал «большим компромиссом». Но одной из положительных сторон повышения неравенства за последние полвека стала возможность изучить его реальное влияние. В ряде последних исследований, включая работу Джонатана Д. Остри и его коллег из МВФ (Ostry, Loungani and Berg, 2019), установлено, что высокий уровень неравенства в действительности препятствует росту.

Тем не менее, даже среди экономистов, которые считают эти доказательства убедительными, можно встретить сомнения относительно включения аспектов распределения в рекомендации, которые профессора предоставляют директивным органам. По словам Чарльза Шульце, советника президентов Линдона Б. Джонсона и Джимми Картера, экономисты долгое время полагали, что их роль в дискуссиях о государственной политике заключается в «партийной защите эффективности». Одна из причин состоит в том, что, отстаивая эффективность, экономисты считают себя представителями интересов обыкновенных людей. «Без экономистов в зале это напоминает всеобщий беспредел, когда каждый преследует свои собственные узкие интересы, и эффективность не имеет никакого значения. А «эффективность» на самом деле означает «каждый гражданин Америки», — заявил Майкл Гринстоун, экономист из Чикагского университета, работавший в администрации Обамы. Данные за последние полвека убедительно показывают, что простая пропаганда эффективности не приносит лучших результатов обычным людям. Но эта роль имеет реальную ценность, ее, вероятно, не выполнит никто дру-

гой, и потому разумно испытывать определенные сомнения в последствиях ослабления внимания.

Кроме того, многие экономисты открыто признаются в своем нежелании вмешиваться в то, что они считают политическими дискуссиями о распределении экономического продукта. Как следствие, довольно часто экономисты уточняют вопрос о распределении, отмечая, что выгоды от более эффективной политики могут быть распределены справедливо, что бы это ни значило, но детали должны быть проработаны политиками. Лауреат Нобелевской премии по экономике Пол Ромер в одном из последних очерков (Romer 2020) утверждал, что экономисты должны просто «сказать «нет», когда правительственные чиновники обращаются к ним за ответом на нормативный вопрос».

Я признаю привлекательность совета Ромера. Излишняя уверенность — обычное свойство дисциплин, стремящихся к практическим выводам. Возможно, это даже необходимо: в конечном итоге выбор должен быть сделан. Но ограничение масштабов потенциального ущерба имеет очевидное преимущество.

Проблема в том, что нормативных решений избежать невозможно.

Например, в 1980-е годы большинство экономистов магистрального направления выступали за отмену законов о минимальной заработной плате. В 1987 году мои предшественники в *New York Times* проповедовали в редакционных статьях отмену законов о минимальной заработной плате, ссылаясь на «фактическое согласие экономистов о том, что минимальная заработная плата — отжившая идея». Это было попросту суждением об экономической эффективности. Экономисты не претендовали на оценку других аргументов в пользу минимальной заработной платы. Но, выступая за изменение политики на основе эффективности, они неявно обесценивали эти аргументы. (И, как оказалось, даже аргумент об эффективности оказался неверным. Несколько лет спустя два экономиста предприняли радикальный шаг, собрав данные и придя к другому выводу. Американские рабочие все еще страдают от последствий.)

Даже экономисты, которые убежденно принимают аргумент в пользу отказа от рекомендаций относительно распределения, — особенно экономисты, которые принимают этот аргумент чистосердечно, — должны признать, что на практике они способствуют исключению проблем распределения из общественных обсуждений. Подлинная озабоченность проблемами распределения требует, чтобы распределение рассматривалось как основная цель политики, а не как побочный продукт, нуждающийся в исправлении.

«Перекрестное опыление» с другими дисциплинами обогатило экономическую науку. Но цель не должна заключаться в создании некой гибридной суперсоциологии.

Для экономистов особенно проблематично отстаивать политику как выгодную для широких слоев, если отсутствует механизм широкого распределения выгод. Экономисты часто поддерживали торговые соглашения, подсчитывая чистые выгоды и откладывая решение вопросов распределения. Но второй акт случается редко. «Всегда утверждалось, что победители могут компенсировать потери проигравшим, — сказал мне несколько лет назад экономист Джозеф Стиглиц, также лауреат Нобелевской премии. — Но победители никогда этого не делают». Например, компания Huffy производила примерно 2 млн велосипедов в год в городе Селина, штат Огайо, пока в 1998 году не перевела производство в Китай, чтобы удовлетворить спрос Walmart на более дешевые велосипеды. Теперь на том месте, где работники Huffy когда-то парковали свои машины, стоит Walmart, и каждый человек в Селине — и каждый в городах по всей территории США — может купить более дешевый велосипед. Но работники потеряли работу, а обещания о помощи по большей части не были выполнены. Абстрактная пропаганда интересов «народа» в конечном итоге часто выглядит как жестокое безразличие к реальным людям.

Взаимное обогащение

Здесь не утверждается, что экономисты должны стремиться предоставить исчерпывающее руководство по оптимальному распределению экономического продукта. Они не могут этого сделать. «Перекрестное опыление» с другими дисциплинами обогатило экономическую науку, например, включение выводов из психологии; из работ демографов, изучающих пространственный аспект экономической деятельности; и из исследований эволюции экономических идей с течением времени. Но цель не должна заключаться в создании некой гибридной суперсоциологии.

Вместо этого необходимо оставлять место для других точек зрения. Экономисты могут предоставлять лучшие рекомендации директивным органам, подчеркивая важность распределения — и важность рассмотрения других видов знаний.

Например, вызывающие обеспокоенность психологические исследования показывают, что экономическое неравенство имитирует воздействие абсолютной бедности

на физическое и психическое здоровье. Этот вывод не так-то легко вписать в экономические модели, да это и не обязательно. Ключевой вопрос заключается в том, как обеспечить включение этой информации в процесс принятия решений наряду с экономическим анализом.

Одна старая поговорка гласит, что есть два вида ученых: те, кто пытается понять мир, и те, кто пытается его изменить. Характер экономической науки твердо помещает ее во вторую категорию, но экономисты, по-видимому, не всегда осознают последствия этого. Политически наивно считать, что проблемы распределения поддаются изолированию, и, как следствие, это может ограничить положительное влияние экономических идей. Экономист по вопросам развития Густав Ренис заметил, что экономисты упорно пытались повлиять на политику во многих развивающихся странах, потому что их приоритеты были обратными. Экономисты подчеркивали значение эффективности как наиболее важной цели государственной политики, рассматривая политическую стабильность и справедливость распределения как выгоды от достигнутого в итоге роста. Ренис утверждал, что этот список следует перевернуть. Люди должны согласиться с тем, что политика является справедливой и способствует стабильности, прежде чем они смогут поддерживать меры по повышению эффективности.

В этом и заключается убедительная истина: как бы хорошо, по вашему мнению, вы ни понимали мир, вам все равно нужно убедить других прислушаться. **ФР**

БИНЬЯМИН ЭППЛБАУМ — автор книги «Час экономистов: лжепророки, свободные рынки и раскол общества» и ведущий автор по вопросам бизнеса и экономики в редакционной коллегии *New York Times*.

Литература

Boushey, Heather. 2019. *Unbound: How Inequality Constricts Our Economy and What We Can Do about It*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Ostry, Jonathan D., Prakash Loungani, and Andrew Berg. 2019. *Confronting Inequality: How Societies Can Choose Inclusive Growth*. New York: Columbia University Press.

Payne, Keith B. 2017. *The Broken Ladder: How Inequality Affects the Way We Think, Live, and Die*. New York: Viking Penguin.

Romer, Paul. 2020. "The Dismal Kingdom: Do Economists Have Too Much Power?" *Foreign Affairs* (March/April).